

МИГРАНТЫ, ТУРИСТЫ, РЕЛОКАНТЫ ИЛИ ОККУПАНТЫ?

Эссе о россиянах в Тбилиси,
поломанном гостеприимстве
и праве на город

Любовь Чернышева

*Любовь Чернышева, Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН;
ЦНСИ (Санкт-Петербург), Россия. l.a.chernysheva@gmail.com.*

В эссе я предлагаю читателям проследить за ходом моей собственной работы с концепцией права на город для анализа того, как обживаются в Тбилиси россияне, переехавшие за последние 10 лет, в том числе после начала военных действий на территории Украины в феврале 2022 года. Материалы, собранные в ходе полевой работы в августе 2022 года, позволяют мне поставить под вопрос универсализм, свойственный литературе о праве на город, и в перспективе пересечения множества факторов – от экономического статуса до принадлежности к бывшей метрополии – рассмотреть возможность осуществления права на город россиянами, оказавшимися в Тбилиси. Я рассматриваю россиян, с одной стороны, как «туристов» и «цифровых номадов», ориентированных на потребление городских благ, с другой стороны – как «мигрантов», которые настроены на участие в городской жизни, но в некоторых случаях исключаются из нее местным сообществом. К этому аналитическому разделению я «примеряю» концепцию права на город и показываю, в каких местах она (не) работает. Я прихожу к выводу, что концепция, во-первых, не учитывает пересечения различных характеристик, служащих основанием для возникновения неравенств, которые могут появляться внутри группы потенциальных субъектов права на город. Я предлагаю внимательнее относиться к различиям внутри группы «россияне в Тбилиси» и рассматривать переключения между конкретными ситуациями проявления права на город. Я также обращаю внимание на то, что концепция имеет этическое измерение, связанное с проявлением сострадания к субъектам права на город, что делает проблематичной работу с ней в таких сложных контекстах, как миграция россиян в Грузию в 2022 году.

Ключевые слова: право на город; городское гражданство; миграция; туризм; туристификация; экспаты; цифровое кочевничество

ВВЕДЕНИЕ

В августе 2022 года мы с коллегой отправились в Тбилиси, чтобы посмотреть, как россияне, переехавшие туда до и после начала полномасштабных военных действий в Украине, обживаются в городе. Эта поездка задумывалась как первый короткий вход в поле, в процессе ее я планировала определить фокус для дальнейшей работы. Она оказалась довольно продуктивной для размышления об одном из

важнейших теоретических инструментов, применяющихся в городских исследованиях, – концепции права на город.

К размышлению об этой концепции меня подтолкнула история художника Миши Вронского¹, который переехал в Тбилиси несколько лет назад. Здесь он работал поваром и размечал стены города авторским тегом – кошкой Шишей, часто рисуя ее поверх свастики (рис. 1). В апреле 2022 года в праворадикальных кругах Тбилиси появилась информация, что кошка Шиша – это не просто тег, а знак, который русские диверсанты наносят на объекты особой важности, чтобы в дальнейшем российская армия знала, какие здания бомбить в первую очередь. Историю подхватило местное телевидение. Завершилась она тем, что правоохранительные органы устроили в Мишиной квартире обыск, но так и не смогли обнаружить доказательств связи художника с российской армией или спецслужбами.

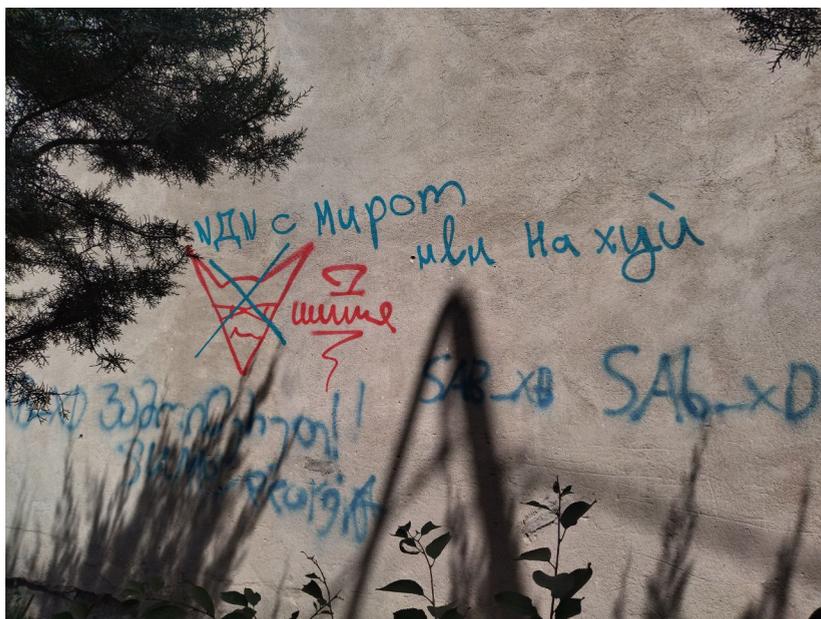

Рис. 1. Кошка Шиша на стене здания в Тбилиси (фото автора)

История кошки Шиши могла бы стать кейсом для статьи о реализации права на город, будучи примером микропространственных городских практик, нацеленных на переформатирование города (Iveson 2013) и практической реализацией участия человека-горожанина в процессе производства пространства (Lefebvre 1996). Понятие права на город, предложенное Анри Лефевром и разработанное впоследствии в работах множества авторов, предполагает, что процесс производства пространства в городах должен быть отдан именно горожанам, которые формируют коллективный субъект городской политики и последовательно борются с

¹ «Миша рисовал поверх свастики кошек в Тбилиси», *The Village*, 27 июня 2022 г., <https://www.the-village.ru/city/stories/graffiti-koshky>.

«колонизацией» повседневности, осуществляемой капиталистическими силами и действующими с ними в одной логике правительствами городов. Право на город предполагает отказ от форм управления городом «сверху вниз» и имплицитно содержит требование демократизации и повышения инклюзивности принятия решений с особым вниманием к возможностям участия меньшинств и дискриминируемых групп (Харви 2008).

Однако история Миши и Шиши приняла неожиданный поворот: оказались неважны ни интенции закрасить свастику, ни корни самой практики нанесения тегов на стены – в политическом контексте весны 2022 года в Тбилиси важно лишь то, что у Миши российский паспорт. Городские публики, рассмотревшие связи между тегами и потенциальной российской агрессией и создавшие ажиотаж вокруг истории, переопределили уличную художественную практику как опасную для всех горожан, вне зависимости от их политических убеждений.

Эта история натолкнула меня на размышления об универсальности концепции права на город. С одной стороны, исследователи работают с этим концептом, анализируя городские процессы в Грузии – такие как коммерциализация общественных пространств (Rekhviashvili 2015), борьба за создание пространств для религиозных меньшинств (Darieva 2023) или против проектов реновации (Tsuladze 2021). С другой стороны, материалы, которые я собрала в ходе первого полевого этапа в Тбилиси, хотя их и не особенно много², позволяют в несколько ином свете увидеть, кому и как «исследователи» дают право на город, а кому в таком праве отказывают. Это связано с тем, что случай массовой миграции россиян в Тбилиси, как я покажу в этом эссе, непростой: в нем сочетаются относительное экономическое благополучие мигрантов, туристические потребительские установки, наследие сложного советского прошлого, внутри- и внешнеполитическое напряжение, антимигрантские настроения местных жителей, двойственное положение русского языка и многое другое. Все эти факторы, переплетаясь, создают основу для усложнения ответа на вопрос, поставленный Питером Маркузе, – «о чьем праве на город мы говорим?» (Marcuse 2012:29).

В этой статье я проблематизирую универсализм, свойственный литературе о праве на город, и подхожу к анализу того, кто и как предъявляет требования политической видимости и участия в управлении городом. В этом смысле эссе продолжает феминистскую критику (Fenster 2005), которая обращает внимание на то, что концепция права на город едва ли ставит под вопрос отношения власти (гендерные, этнические, национальные, культурные) как влияющие на возможности участвовать в публичной городской жизни. Следуя этой критике и интерсекциональной пер-

² Исследование опирается на 10 интервью с российскими мигрантами, уехавшими в разные периоды, и три интервью с грузинами, родившимися и проживающими в Тбилиси (всего около 15 часов). Мой материал дополнили две не записанные на диктофон двадцатиминутные беседы с россиянами, открывшими свои кофейни в Тбилиси, дневник наблюдений в кафе и барах, открытых россиянами, украинцами и белорусами (всего около 20 часов), полевой дневник моего трехнедельного пребывания в Тбилиси, сплошное обследование Telegram-чатов, посвященных миграции из России/Белоруссии в Грузию (всего 21 чат), а также 12 неформальных бесед с моими бывшими коллегами и знакомыми, переехавшими в Грузию за последний год.

спективе (Crenshaw 1989), я хочу посмотреть на пересечение разных факторов – от экономического статуса до принадлежности к бывшей метрополии – в возможности осуществления права на город россиянами, оказавшимися в Тбилиси.

Это эссе построено не так, как обычно строится академическая статья, – в нем я не следую изначально принятой концептуализации в анализе эмпирического материала. Я, скорее, тестирую концепцию права на город, показывая, где и почему она может (не) работать. В то время как статья – это готовый академический продукт, мое эссе, скорее, работа *in progress*, полная спорных идей и интерпретаций³. В следующих разделах я расскажу две противоречащие друг другу истории о россиянах в Тбилиси: в одной они предстанут «туристами» и «номадами», то есть временными потребителями города, а в другой – «мигрантами», настроенными на участие в городской жизни или, порой, исключаемыми из нее. Я покажу, в каких случаях концепция права на город работает, а в каких обращение к ней не дает результатов. В конце я делаю вывод о значимости этического компонента концепции права на город, а также пользе интерсекциональной перспективы в работе со сложными городскими контекстами.

КТО ТАКИЕ РОССИЯНЕ В ГРУЗИИ?

По разным оценкам, за 2022 год Россию покинули более полумиллиона граждан⁴. За три квартала 2022 года Грузия приняла порядка 660 тысяч россиян⁵, осталось в стране, вероятно, не менее 112 тысяч⁶. Согласно некоторым исследованиям (Kamalov et al. 2022), до объявления «частичной мобилизации» в сентябре 2022 года⁷ большинство уезжали из крупных российских городов (в первую очередь из Москвы и Санкт-Петербурга). Сопоставляя собранные весной 2022 года данные о мигрантах и результаты исследований Левада-Центра за 2021 год, исследователи отмечают, что типичный уехавший на 14 лет моложе среднего россиянина, хорошо образован (81% имеют высшее образование), занят в сферах интеллектуального труда и предпринимательства, а также имеет большие финансовые возможности,

³ Я едва ли могу отделить себя от этих интерпретаций: в Тбилиси я впервые обнаружила себя не нейтральным человеком, а россиянкой с украинскими корнями, привилегированной женщиной среднего класса, которая после начала войны переехала из Петербурга в Амстердам. В первый раз моя этничность («национальность?»), которая всегда была в тени, вдруг стала настолько видимой для меня самой и требующей рефлексии.

⁴ Расследование The Bell предлагает разные оценки – от 512 тыс. до 700 тыс. человек. «Сколько россиян в 2022 году уехало из страны и не вернулось», *The Bell*, 30 декабря 2022 г., <https://thebell.io/skolko-rossiyan-v-2022-godu-uekhalo-iz-strany-i-ne-vernulos>.

⁵ Согласно российской федеральной статистике. См. «Выезд граждан России», Федеральная статистика, просмотрено 23 ноября 2023 г., <https://www.fedstat.ru/indicator/38480>.

⁶ По данным грузинского Министерства внутренних дел. См. «Количество граждан, въехавших с 01.01.2022 по 30.09.2022 и по состоянию на 03.10.2022 находятся на территории Грузии», просмотрено 30 ноября 2023 г., <https://info.parliament.ge/file/1/MpQuestionContent/19959>.

⁷ С октября 2022 года, после объявления «частичной мобилизации», вероятно, можно говорить совсем о других социально-демографических характеристиках россиян в Тбилиси. Сбор данных, которые легли в основу этого эссе, происходил в августе 2022 года.

чем у среднего россиянина (Kamalov et al. 2022). Таким образом, поток уехавших россиян состоит из людей верхнего среднего / среднего класса с соответствующими ресурсами, представлениями о комфортной городской жизни и моделями потребления, а учитывая, что уровень жизни в Грузии значительно ниже уровня жизни в России (и уж тем более уровня жизни в таких крупнейших урбанизированных центрах, как Москва и Петербург), экономическое положение основной массы переехавших россиян оказалось весьма неплохим.

Россияне, оказавшиеся в Грузии после начала военных действий в феврале 2022 года, не похожи на тех, о ком обычно пишут миграционные исследователи. Последние настроены в основном на анализ неравенств, экономической уязвимости мигрантов по сравнению со среднестатистическими жителями принимающего города (Bauder 2008; Kondylis 2010). Они анализируют, как формируется низкий статус мигрантов и систематическая изоляция (Britton 2015), даже если проводится противоположная, инклюзивная политика со стороны государства (De Genova 2013). Более обеспеченные высококвалифицированные мигранты также интересны исследователям, хотя эта тема не особенно популярна (Fechter and Walsh 2010). Существуют и работы, посвященные высококвалифицированным россиянам за рубежом (Biagioli and Lépinay 2019). Однако эти случаи не похожи на то, что я наблюдаю в Грузии. Если переезд россиян до 2022 года был похож на lifestyle-миграцию (O'Reilly and Benson 2009) или цифровой номадизм (Cook 2022), то переезд из России после начала полномасштабного вторжения в Украину мотивирован не развитием карьеры и поиском экономического благополучия и самореализации, а политическим кризисом, страхом перед государством, что приближает такой переезд к вынужденному перемещению – если рассматривать миграцию по собственному выбору и вынужденную миграцию не как дихотомию, а как шкалу (Erdal and Oerppen 2018). В этом смысле россияне в Грузии похожи на политически мотивированных мигрантов, уехавших из Ирана после Исламской революции (Torbat 2002).

Российская миграция в Грузию также «застревает» между разных повседневных понятий. Пока надписи на стенах тбилисских домов сообщают, что россияне в Грузии – оккупанты, а оппозиционные партии инициируют введение визового режима для россиян⁸, мэр Тбилиси Каха Каладзе, отвечая журналисту на вопрос о въезжающих россиянах, называет их «туристы»: «Мы приветствуем наплыв туристов, это могут быть русские, украинцы, белорусы, казахи, из разных стран. Не проблема, если будет больше туристов, это очень важно для нашей страны, бюджета, развития экономики, создания новых рабочих мест»⁹. Одна из моих информанток-грузинок также называла всех приехавших россиян «туристами»; другая же говорила в интервью на английском слово «migrants». Мои информанты-россияне

⁸ «“Лело для Грузии” предлагает ввести визы для россиян и ограничить покупку ими недвижимости», SOVA, 4 августа 2022 г., <https://sova.news/2022/08/04/lelo-dlya-gruzii-predlagaet-vvesti-vizy-dlya-rossiyan-i-ogranichit-pokupku-imi-nedvizhimosti/>.

⁹ «Мэр Тбилиси о российских туристах: в Грузии рады гостям из любой страны», SOVA, 1 августа 2022 г., <https://sova.news/2022/08/01/mer-tbilisi-o-rossijskih-turistah-v-gruzii-rady-gostyam-iz-lyuboj-strany/>.

часто называли себя «уехавшими» или «переехавшими», а слово «мигранты», стигматизированное в русском языке (Якимова 2020), не появлялось почти никогда в качестве самоназвания. Иногда россияне использовали в отношении себя слово «экспаты», однако чаще оно возникало для описания англоговорящих мигрантов в Тбилиси¹⁰. Часто в беседах появлялось изобретенное слово «релоkant», которое указывало не только на тех россиян, которые релоцировались вместе со своими офисами и коллегами, но и на всех, кто решился уехать из России.

Выбор того или иного названия для россиян в Грузии тянет за собой потенциальные политики и практики в отношении этой группы, поскольку слова имеют перформативную природу (Barad 2003). То же касается и академических практик: отталкиваясь от этой запутанной ситуации, в которой россиян можно рассматривать по-разному – как «туристов», «номадов», «экспатов» или «мигрантов», – в следующих частях этого эссе я покажу, как концепция права на город ситуативно (не) работает для анализа российской миграции.

«ТУРИСТЫ НИЗКОГО КАЧЕСТВА» И ПОЛОМАННОЕ ГОСТЕПРИИМСТВО

Оставим за скобками внутривластные обстоятельства, из-за которых именно понятие «турист» присутствует в риторике грузинских властей, и посмотрим на контексты, в которых россияне воспринимаются как «туристы», и последствия этого восприятия. Развитие туризма началось в Грузии в середине 2000-х годов и шло очень интенсивными темпами: так, между 2009 и 2013 годами скорость роста туристической отрасли в Грузии была самой высокой в мире, а число туристов выросло на 300% (Salukvadze and Gugushvili 2018). Туризм стал одним из проявлений политики дерегулирования, в ходе которой был ослаблен государственный контроль над рынком недвижимости и строительством, а частные предприниматели стали играть значительную роль в развитии города (Gogishvili and Coppola 2018). Туризм – в том числе из России – стал одним из способов реабилитации экономики, сильно пострадавшей в девяностые и нулевые (Salukvadze and Gugushvili 2018).

Мои собеседники – и те, кто переехал в течение 2022 года, и те, кто переехал раньше, – рассказывают, что первоначальный опыт в Грузии получили именно как туристы. Классические туристические развлечения, которые одна из информанток – Оля (переехала в 2019 году), – емко и язвительно охарактеризовала как «хинкали жрать, на горы смотреть», в рассказах неизменно сопровождаются упоминанием безразмерного грузинского гостеприимства. Несмотря на сложившийся образ гостеприимных хозяев, у жителей Тбилиси есть все основания относиться к разрастающемуся туризму негативно. Поскольку он имеет потребительскую природу, сопротивление горожан коммерциализации города и его перестройке в интересах временных потребителей напрямую отсылает к концепции права на город: она утверждает право местных жителей, обладающих меньшим объемом ресурсов и меньшими экономическими возможностями, сопротивляться негатив-

¹⁰ Это понятие прочно закрепилось за белыми западными мигрантами; см. Kunz 2020 о политике категорий «мигрант» и «экспат».

ным эффектам неолиберальной логики развития городов (Purcell 2002). Туристификация в этом случае идет рука об руку с джентрификацией, создавая напряжение на рынке жилья (Gant 2016; Colomb and Novy 2017), вытесняя и маргинализируя «нежелательные» категории местных жителей (Cummings 2015) и лишая их символических прав на места их повседневности (Janoschka, Sequera, and Salinas 2014). За насыщенностью городской жизни, множеством межкультурных взаимодействий и гостеприимством, с которыми ассоциируется туризм, скрываются процессы, при которых некоторые городские места приобретают ориентацию исключительно на туристов и как раз-таки теряют свое разнообразие (Gogishvili and Coppola 2018), а прибыль от туристических потоков получают не столько представители местного сообщества, сколько корпорации (Kaplan 1996). Таким образом, туристификация – это процесс, разрушающий городскую ткань, и, соответственно, право на город не может быть атрибутировано участникам этого процесса – туристам, временным потребителям городов. Борьба же местного сообщества со сверхтуризмом – это прямая реализация права на город.

Экономика Грузии действительно сильно зависит от туристических потоков (особенно в годы после ковида)¹¹, и исследователи отмечают, что проекты редевелопмента, созданные в контексте разрастающегося туризма, неизменно приводят к вытеснению местных жителей, коммерциализации и джентрификации пространств (Gogishvili and Coppola 2018). Однако не весь туризм одинаков: моя собеседница грузинка Мари, местная активистка, не выступает против туристов вообще, но только против россиян-туристов: «Сейчас и особенно после начала войны с Украиной сюда начали заезжать русские. У нас полно, абсолютно все переполнено русскими туристами. [. . .] Они вытеснили европейских и западных туристов, американских и австралийских, и так далее. И резко упало качество». Она сравнивает «качество» европейского и русского туриста не в пользу последнего и указывает, что развитие российского туризма приводит к тому, что «хаотическая постройка идет в городе» и «все меняется к худшему, опять упал уровень обслуживания, опять упало качество вина, качество этого ебаного хачапури и так далее, и мы не можем победить на выборах [пророссийскую партию] “Грузинскую мечту”, что очень важно». Желание проявлять право на город у Мари возникает перед лицом опасности роста исключительно российского туризма: именно он, по ее словам, – причина реструктурирования экономики, городского пространства и даже политического поля. И не только Мари столь критично настроена к российским туристам: 90% ее соотечественников в опросах называют Россию серьезной угрозой, одновременно отмечая ее усилившееся влияние на жизнь Грузии за последние годы¹².

¹¹ Доходы от международного туризма в 2020 году обвалились с 20,33% ВВП страны до 3,7%. «Georgia: International Tourism Revenue, Percent of GDP», GlobalEconomy, просмотрено 23 ноября 2023 г., https://www.theglobaleconomy.com/Georgia/international_tourism_revenue_to_GDP/.

¹² «Public Opinion Survey: Residents of Georgia», International Republican Institute, март 2022 г., <https://www.iri.org/resources/public-opinion-survey-residents-of-georgia/>; «Taking Georgians’ Pulse», NDI-CRRC, апрель 2022 г., https://www.ndi.org/sites/default/files/NDI%20Georgia_March%202022%20poll_public%20version_ENG_VF.pdf.

Политические контексты грузино-российских отношений, актуализировавшиеся с началом полномасштабных военных действий в Украине, вводят «традиционное» и всеми ожидаемое грузинское гостеприимство к россиянам в кризисное состояние. «Поломка гостеприимства» остро ощущается всеми моими собеседниками, переехавшими из России в 2022 году: вместо ожидаемой расположенности местных жителей – «йоу, брат, вино, поехали» – они обнаружили в Тбилиси «тяжелый воздух» (Андрей, переехал в 2019 г.). Стремясь починить эту «поломку», переехавшие россияне пытаются усиленно воспроизводить модель гостеприимства, перформатируя свою роль «гостей» через практики выражения благодарности – так, например, участники коллективных уборок мусора в городских парках оставляют в своем координационном чате подобные комментарии: «Лично я убираюсь [. . .] потому что это моя благодарность этой Земле. Моя ответная любовь ей за её тепло»¹³. Надежда, прожившая в Тбилиси уже 10 лет, говорит, что ее знакомые мигранты 2022 года определяют свое положение в Грузии аналогичным образом: «Мы тут вообще никто, мы тут гости, и нас Грузия приняла и спасибо этим людям и вообще». Такая модель закрепляет иерархию «хозяин – гость» (Darling 2014): быть гостеприимным означает определять пространство как свое и, следовательно, брать себе исключительное право принимать чужака или отвергать. Такая иерархия прочно закреплена в представлениях россиян в Тбилиси – как переехавших в 2022-м, так и тех, кто уже несколько лет проживает в Грузии. Одни россияне говорят другим: «если вы хотите тут жить, [. . .] будьте благодарны, что вас вообще принимают» (Анна, переехала в 2018 г.). Подобное восприятие россиянами своего положения не способствует тому, чтобы они реализовывали собственное право на город, даже если они имеют не туристические/потребительские намерения, а ориентированы на создание общегородского блага (о чем пойдет речь в следующих частях).

НОМАДЫ, ЭКСПАТЫ И ПУТЕШЕСТВЕННИКИ, МЕНЯЮЩИЕ ГОРОД

Переехавшие россияне не называют себя туристами, несмотря на то, что говорят о себе как о гостях. Мой собеседник Артем (переехал в 2022 г.) и вовсе сердится, «отстраивая» себя от негативного образа краткосрочного «туризма»: «Блин, я не езжу как турист. Я езжу как я. [. . .] Я езжу встречаться с друзьями, получать удовольствие, жить». Можно ли действительно использовать слово «турист», если тот опыт, который россияне получают или хотят получить от пребывания в Грузии, связан с (относительно) долгосрочным пребыванием – как в планах у моего собеседника Романа, отправившегося в 2021 году с женой в «путешествие» туда, где «относительно недорогая стоимость жизни», в расчете «чуть-чуть подольше задержаться в стране, чтобы узнать ее получше»?

Подобный феномен «путешествий» представителей среднего класса в развивающиеся страны характерен в первую очередь для Юго-Восточной Азии, куда

¹³ Авторская орфография и пунктуация сохранены.

каждый год стекаются потоки так называемых цифровых кочевников (digital nomads) – молодых профессионалов, которые работают независимо от локации работодателя и ведут образ жизни, предполагающий размытие границ между отдыхом, работой и путешествием (Cook 2022). Цифровые кочевники едва ли могут вызвать сочувствие у исследователей города, фокусирующихся на пространственной справедливости. Они вполне попадают под определение тех, кого Лефевр называет «новой буржуазной аристократией», которая «перемещается от гранд-отеля к гранд-отелю» и находится «везде и нигде» (Lefebvre 1996:159). Таким людям Лефевр как раз не дает никакого права на город. Цифровые номады создают для себя инфраструктуры, которые сами же и потребляют, – как, впрочем, и другие мигранты (Portes and Manning 2019). Однако есть существенная разница: привлекаемые дешевизной жизни и возможностью получить «экзотический» опыт, номады реструктурируют городское пространство в местах своего пребывания (Green 2020), создавая пространства потребления, недоступные местным (Fast 2022), и таким образом участвуя в джентрификации и вытесняя местных жителей (McElroy 2020).

Возникновение инфраструктуры номадизма в некоторых районах Тбилиси невозможно не заметить. Надежда (переехала в 2012 г.) вспоминает, как менялся район Ваке в течение последних 10 лет:

И вот это вот как бы [велась] работа по привлечению международных туристов. И потом номады, которые могут работать откуда угодно. Ну, как бы потянула за собой, ну, огромное количество, огромное, инфраструктуры для них: кафе, рестораны, гостиницы, барбершопы в конце концов. Там не знаю, всякие разные услуги.

Другой мой собеседник, Виктор (переехал в 2022 г.), хвалит этот район и видит в нем все, что нужно интернациональному мобильному работнику: «Ваке – это такой самый интернациональный, мне кажется, район Тбилиси, модный, современный. [. . .] Современная европейская улица, [. . .] велодорожки, удобные тротуары, есть много коворкингов». Город, «европеизация» и трансформация которого в 2000-е годы была ориентирована на привлечение туристов, сегодня продолжает меняться под ресурсных иностранцев «и уже имеет инфраструктуру, специально созданную для бекпэкеров и цифровых кочевников», как указано на сайте крупнейшей сети digitalnomads.world¹⁴.

Эффекты появления цифровых кочевников видны в росте цен на аренду жилья, сопутствующем транснациональной джентрификации (Alexandri and Janoschka 2020). Процессы на рынке жилья в Тбилиси в 2022 году, на пике приезда россиян, очень похожи: почти все мои собеседники, рассказывая о влиянии россиян на город, упомянули, как тбилисские студенты, оставшиеся без возможности снять подорожавшие квартиры, вышли протестовать и требовать возвращения онлайн-обучения. Это пример требования права на город: отказываясь регу-

¹⁴ «A Digital Nomad Guide to Tbilisi, Georgia», Digital Nomad World, 10 февраля 2021 г., <https://digitalnomads.world/city-guide/tbilisi/>.

лизовать рынок жилья, городские власти не защищают уязвимые группы местных жителей и вынуждают их конкурировать на свободном рынке с экспатами, что ведет к вытеснению местных жителей из привлекательных районов с современной инфраструктурой (Wachsmuth and Weisler 2018).

Таким образом, хотя россияне не являются частью движения digital nomads в узком смысле, то есть не проговаривают причастность к этому международному сообществу, с точки зрения практик потребления городского пространства, образа жизни и экономических возможностей они очень похожи на цифровых кочевников. До февраля 2022-го года они приезжали в Грузию, чтобы получить недорогой «экзотический» опыт в «аутентичных» районах с настроенными под них сервисами и инфраструктурой и выражали «эгоизм в пространстве», свойственный кочевникам (Alexandri and Janoschka 2020). После февраля 2022-го изменились причины их приезда, но сохранились формы потребления города. Их присутствие поддерживает начатое еще в 2010-е развитие дорогих, ориентированных на экспатов сервисов, а также усиливает неравенство на нерегулируемом рынке аренды жилья. Едва ли у кого-то возникнет желание говорить о том, что они реализуют (или могут реализовать) свое право на город, суть которого в борьбе с капитализацией пространства и вытеснением менее ресурсных жителей, а не в усилении этих процессов.

«МИГРАНТЫ» И ГОРОДСКОЕ ГРАЖДАНСТВО

Рассказать историю россиян в Тбилиси можно и совсем по-иному. Прежде всего, как и любые неграждане в других странах, россияне находятся в уязвимом положении: они могут быть лишены права пребывать в этой стране, причем довольно неожиданно. Так, многие боятся пересекать границу, поскольку пограничная служба Грузии выборочно не пускает россиян обратно¹⁵. Наличие российского паспорта представляется угрозой даже тем, кто давно обосновался в Тбилиси и плотно вовлечен в местную повестку, языковой ландшафт и гражданское общество. Моя собеседница Надежда (переехала в 2012 г.) говорит об этом так: «И придет новая власть, скажет: пошли вон все! [. . .] я здесь 10 лет как бы работаю на волонтерских историях на благо этой страны – и оказываюсь не у дел со своим красным паспортом».

Как и другие мигранты по всему миру (Drydakis 2011; Van der Bracht, Coenen, and Van de Putte 2015), россияне в Тбилиси столкнулись с дискриминацией на рынке жилья, когда риелторы и собственники отказывались сдавать им квартиры – почти каждый россиянин из тех, с кем я общалась, рассказывал (о себе или своих знакомых), как арендодатели подняли плату, расторгли договор или отказались его заключать. Почти все мои собеседники указывали, что они сами и их знакомые периодически сталкиваются с антипатией из-за того, что являются гражданами России, из-за внешнего вида или языка. Моя собеседница Лэла (переехала в 2021 г.),

¹⁵ Отказы получали как политически активные россияне (см. Георгий Двали, «Грузия прикрывается для россиян», *Коммерсант*, 8 сентября 2022 г., <https://www.kommersant.ru/doc/5549290>), так и менее «заметные» люди: множество историй можно найти в чатах россиян в Тбилиси, которые я анализировала при работе над этим текстом.

выросшая в Москве и не знающая грузинский язык, рассказала, что даже ее грузинская внешность не спасает от замечаний: «Я помню, как я говорила по-русски в туалете “Винзавода” в Тбилиси – вышла пьяная девочка и сказала: “Оккупанты”. Я ей говорю: “Я – Лэла, успокойся!”». Иногда мои собеседники ориентировались не на конкретные факты негативного отношения к себе, но на свои представления о его возможном проявлении. Белорусская активистка Алеся (переехала в 2020 г.) рассказала, что после 24 февраля «боялась выходить на улицу», поясняя: «несмотря на то, что я из Белоруссии, никто там особо не разбирается, потому что ты говоришь по-русски, и этот хейт начался сразу». Показательно, что мои собеседники скорее удивляются тому, что дискриминация *не проявляется*. Так, например, Роман (переехал в 2021 г.), который не встречался с оскорбительными замечаниями, предполагает, что «внешность тут играет роль», про себя отмечая «я не очень выделяюсь тут».

Россияне в этом смысле не уникальны и попадают в один ряд с другими городскими группами, которые сталкиваются с негативным отношением. Грузинка Тина рассказывает мне, что праворадикальные грузины выступают против так называемого «арабского» (или «турецкого») квартала: «Были протесты против этого [«арабского» квартала в районе улицы Марджанишвили], и какие-то магазины или что-то еще даже были повреждены», а Надежда приводит в пример свою подругу: «Она плохо помнит грузинский, она уехала 16 лет. [. . .] Но у нее тут дом на Вере [район в Тбилиси], который построил ее дедушка. Ну, то есть там корни, корни, корни. Она не грузинка, она сирийка. [. . .] ей периодически “прилетает”. Местная, у нее грузинский паспорт».

Подобный страх потенциального конфликта подталкивает россиян стремиться быть «хорошими» мигрантами и дисциплинировать свои тела, вкусы и ожидания соответствующим образом. Андрей, проживший в Тбилиси уже несколько лет, со своими друзьями создал «Гайд для приезжающих в Грузию»¹⁶ – одну из инструкций по переезду, в которой можно найти не только практическую информацию об оформлении банковских карт и поиске жилья, но и свод правил «хорошего поведения». Среди них рекомендация воздерживаться «от любых форм империалистских высказываний и снисходительно-потребительского отношения к культуре, нации и стране»: по мнению авторов, не стоит говорить, что в Грузии «так хорошо, как на даче» или что вы хотите «остаться навсегда». Авторы рекомендуют переезжающим чувствовать себя «гостями», еще раз подчеркивая, что статус мигрантов не равен статусу других жителей Тбилиси: «Не забывайте, что в этой стране вы в гостях. В гостях вы не кричите, не переставляете мебель, не закидываете ноги на стол. Вы в гостях, не в отеле»¹⁷.

¹⁶ «Гайд для приезжих в Грузию», просмотрено 23 ноября 2023 г., <https://unknownfile.notion.site/unknownfile/b102b8f98ab2462ca0bc3523f0b28fed>.

¹⁷ Почти в полном соответствии с подобными гайдами, мои собеседники называли такой набор критериев «хорошего» мигранта из России: изучает грузинский язык, не говорит на русском (как минимум, не начинает разговор с незнакомцами на русском), изучает культуру и историю Грузии, не критикует грузинские «особенности» (например, неторопливый сервис в кафе), согласен с тезисом «20% Грузии оккупировано Россией» и не посещает «русскоговорящие» места – кафе и бары.

Мигранты – это группа людей, которым авторы традиционно приписывают право на город, ставя задачей сподвигнуть их перестать быть аутсайдерами (Merrifield 2017) или все теми же «гостями». Право на город, как его задумал Лефевр, не дается по рождению и не закреплено за теми, у кого есть национальное гражданство или иная формальная принадлежность к политическому сообществу (Fenster 2005) – оно определяется проживанием в городе (Lefebvre 1996). Тот, кто участвует в повседневной жизни города, проживает и обживает его, творчески переосмысляет, – тот и обладает правом на город (Purcell 2003).

Если рассматривать россиян как «мигрантов» (а не «туристов» или «экспатов»), концепция права на город вполне может быть применима к анализу того, как они обживают Тбилиси. Ситуация, однако, осложняется тем, что российская миграция происходит в контексте политики «освобождения» Грузии от советского наследия (Huseynova, Zolyan, and Rumyantsev 2019). Это значит, что мигранты-россияне скорее похожи на «белую» миграцию в бывшие страны-колонии (Fechter and Walsh 2010), будучи «наследниками» колониальной репрессивной системы¹⁸. Под таким углом российская миграция превращается в то, что грузинка Мари в интервью охарактеризовала так: «русская экспансия: открываются бизнесы, закупают квартиры. И не интегрируются, и язык вытесняют». Любая борьба против нее (включая борьбу с русским языком) предстает как практики сопротивления и отстаивания жителями Тбилиси своего права на город – или, как говорит один из моих собеседников Андрей (переехал в 2019 г.), – как «форма абсолютно гражданского сопротивления, честная, как бы мирная, ненасильственная форма сопротивления».

Когда я рассматриваю россиян как мигрантов, возникает множество противоречий – однако только в этой оптике возможно увидеть их попытки реализовать свое право на город. В следующих двух разделах я опишу, как в таком противоречивом контексте постколониальной миграции из бывшей метрополии происходят попытки реализовать и заблокировать реализацию двух основных компонентов права на город (Purcell 2003): *права на апроприацию* и *права на участие*.

«ОТКУПИТЬСЯ КУСТИКАМИ»: РОССИЯНЕ И ПРАВО НА УЧАСТИЕ

Мигранты зачастую лишены прав, которые есть у членов принимающего сообщества (например, они не могут голосовать на выборах), но это не значит, что у них не должно быть возможности влиять на то, как город живет и меняется, или так называемого *права на участие*, «права на преобразование города, на приведение его в соответствие с общими нуждами и желаниями» (Харви 2008:93). Оно предполагает формирование гражданства иного типа, отличного от национального (Lefebvre 1996; Blokland et al. 2015), и развитие прямой демократии. В такой оптике мигранты – это не «гости», а принимающее сообщество – не «хозяева».

¹⁸ Ряд исследователей (см., например, Kuzio 2002; Hierman 2022) рассматривают СССР как колониальную империю; другие отмечают особенности, отличающие эту империю от классических случаев вроде Нидерландов или Британии (см. дискуссию в: Slezkine 2000; Tlostanova 2015).

Мои собеседники, переехавшие из России в разные годы, конечно, отличаются по уровню своей вовлеченности в изменение города. Одни как цифровые номады не интересуются городскими процессами и даже не платят налоги, работая удаленно в международных компаниях. Другие – как, например, Игорь (переехал в 2022 г.), в недавнем прошлом – муниципальный депутат и активист – не чувствуют никакого «морального права делать что-то в Тбилиси», поскольку они – «гости». Третьи ищут сотрудничества с грузинскими некоммерческими организациями, но, по их словам, безуспешно: местные урбанисты не захотели кооперироваться, тбилисские феминистки отказались разговаривать с феминистками из Петербурга и так далее. Мои собеседники постоянно сравнивали Тбилиси с другими городами российской иммиграции. Например, Анна (переехала в 2018 г.) рассказала, как ее образовательный проект для детей не смог привлечь грузин для создания курсов на грузинском языке, в то время как в Ереване и Ташкенте эту задачу удалось реализовать без проблем. Надежда, переехавшая в начале 2010-х, говорит, что некоторые экологические организации в Тбилиси испытывают неприязнь к экопроекту, который она организовала несколько лет назад вместе с подругой – этнической грузинкой. Несмотря на популярность проекта, инициативу считают «русской», и национальный вопрос встает на пути консолидации активистов по экологической повестке: «Есть одна крупная организация, которая, ну, как бы не очень хорошо к нам относится, но не потому, что мы делаем что-то не так или мы их конкуренты, не дай бог. [. . .] Потом выяснили, что они очень антироссийские». На мой вопрос о соосновательнице-грузинке Надежда отвечает: «Она из Москвы все равно».

Наиболее интересный случай участия россиян в преобразованиях Тбилиси – это проект городских уборок: россияне (и не только) собираются в парках для того, чтобы убрать скопившийся мусор, рассортировать и сдать на переработку. Участник проекта Виктор (переехал в 2022 г.) проговаривает все ключевые элементы права на участие – стремление участвовать в изменении города, создании общего блага, «присвоении» места и заботе вместо потребления:

Мне кажется, что наши уборки, которые я делаю, – они очень как раз тем сильны, что они людям помогают почувствовать контакт со страной. Потому что одно дело – это приехать сюда как туристы: вы просто тратите деньги, ездите, смотрите на какие-то сванские башни, едите хинкали, пьете вино, постите фотографии. А другое дело, когда вы начинаете взаимодействовать со страной буквально физически, когда начинаете заботиться об этом пространстве, об этой воде, об этой земле. [. . .] Это уже прямой контакт. Эмоциональная связь с этим местом есть. [. . .] В этих уборках мы делаем страну чуть-чуть более своей. Не в смысле захвата какого-то территориального.

Грузинская экологическая активистка Мари, оговариваясь, что не знает о проекте достаточно, комментирует его так: «Те, кто посадят деревце и потом “какой я хороший, миленький” – это не интеграция. [. . .] И сейчас не до кустиков – кустиками не откупиться русским сейчас здесь». Однако уборки, по словам Виктора, в первую очередь вдохновлены именно идеей «интеграции» в грузинское общество.

во, поэтому он очень много внимания уделяет возможности привлекать людей с разным языковым бэкграундом – в этом смысле это действительно хороший пример коллективной реализации права на участие через досуговые практики (Demirbas 2022). Суммируя, можно сказать: исследователи города вряд ли стали бы спорить с тем, что Виктор и другие российские мигранты реализуют свое право на город, хотя эти попытки порой сталкиваются с неприятием со стороны местных активистов, НКО и сообществ.

«МАЛЕНЬКАЯ РОССИЯ»: ПРАВО НА АПРОПРИАЦИЮ

Когда участие невозможно этически или встречает препятствия, право на город находит иной выход – в форме права на апроприацию. Апроприация – это важнейшее понятие для аналитиков права на город. Оно предполагает право широчайшим образом использовать городское пространство в повседневной жизни (Lefebvre 1996:179), включая возможности жить, работать, играть в нем; репрезентировать, оценивать и занимать пространство города, меняя его под свои нужды (Purcell 2003).

Российские мигранты осуществляют апроприацию через создание «своих» мест: кафе, баров, различных сервисов. В этом они не уникальны: значительная часть миграционных исследований фокусируется на взаимных процессах формирования бизнесов мигрантов и ксенофобии принимающего сообщества (Grant and Thompson 2015). Концепция права на город – популярный инструмент описания таких случаев, когда доминиканские владельцы продуктовых магазинов в Филадельфии день за днем мелкими шагами завоевывают свое право быть частью сообщества, считающего их чужаками (Pine 2010), или когда мигранты из Бангладеш создают экономические хабы в малайзийском Куала-Лумпуре, включаясь в борьбу за доступ к публичным пространствам и возможности говорить на своем языке (Muniandy 2015). Право на апроприацию в этих случаях означает участие в городской экономике через пребывание в пространстве (Grant and Thompson 2015). Здравый смысл может подсказывать, что создание мест «для своих» противоречит включению мигрантов в местное сообщество, однако исследования показывают обратное: исчезновение мигрантских мест в результате проектов редевелопмента не способствует реализации целей городской политики включения мигрантов (Sezer 2018). Так можно ли говорить, что через «русские» места в городе россияне тоже реализуют свое право на апроприацию?

Мигрантские бизнесы возникают обычно по двум причинам: вытеснение мигрантов с рынка труда и запрос на особенные услуги, которые не может оказать рынок (Price and Chasco 2009). Мои данные не позволяют понять, заблокирована ли мобильность россиян на рынке труда в Тбилиси. Что касается запроса со стороны сообщества – свидетельств того, что россияне развивают сервисы под собственные нужды, довольно много. В последние десять лет, как свидетельствуют мои собеседники, россияне расширяют сферу дошкольного и внешкольного образования, развивают культуру крафтового пива и эдьютеймента (лекций, воркшопов).

Потребление «русскоговорящих» мест связано с дискомфортом от посещения других заведений Тбилиси. Собеседники пересказывают одни и те же истории про знаменитый техно-клуб «Bassiani», в который перестали пускать людей с российским паспортом, а также называют бары и кафе, в которые нельзя попасть, не подписавшись под тезисом «20% территории Грузии оккупировано Россией»¹⁹. Часто собеседники говорят об ощущении неправомерности своего присутствия в том или ином месте: я уже упоминала выше, как мои собеседницы боялись бывать в публичных местах и контактировать с грузинами. Раз россияне не находят возможности реализовывать свое право на участие, создавая общее благо в кооперации с другими жителями Тбилиси, они занимают более комфортное место на «островках безопасности», где апроприация уже осуществлена владельцами баров и кафе. Производство пространства переходит в руки владельцев/арендаторов помещений и предпринимателей, которые создают комфортный для россиян сегмент потребления.

Многочисленные бизнесы и заведения мигрантов могли бы рассматриваться как манифестация права на город (Piazzon 2020). Моя собеседница Тина, грузинка, разделяющая левые политические взгляды, следовала похожей логике в своих рассуждениях. Она говорила о несправедливом отношении части грузинского общества к мигрантам, обустроившим «свое» пространство на одной из крупных улиц города: «Они [антимигрантски настроенные жители Тбилиси] могут злиться на это. . . , и одна из причин – расизм. Они говорят, что [места], оккупированные этими людьми, больше не грузинские». Мигранты, о которых говорила Тина, – это представители арабских стран и Турции²⁰. Места тусовки «западных» экспатов в Тбилиси также маркированы, но они не вызывают критики ни у россиян, с которыми я разговаривала, ни у моих собеседниц-грузинок. Когда же разговор доходит до заведений, открытых россиянами, мои собеседники-мигранты демонстрируют пренебрежение, а грузинка Тина перестает сочувствовать и больше не испытывает радости в том, чтобы видеть «разнообразие культур, запахов, людей», критикуя бесконтрольную скупку россиянами недвижимости.

Что же не так с русскоязычными заведениями в Тбилиси? Для одних – особенно для тех, кто переехали в Тбилиси до февраля 2022-го, – русскоязычные заведения ненавистны по причине их неадекватности контексту. И Андрей, и Лэла уехали из Москвы, чтобы сменить образ жизни, поэтому они ограждают себя от узнаваемых образов, от мест, где встречаются «100% московских рож» (Андрей, переехал в 2019 г.). Другие ругают «русские» заведения за то, что те препятствуют правильной «интеграции»: «Ты переехал куда? Ты маленькую Россию свою что ли строишь?» (Оля, переехала в 2019 г.). Желание говорить на родном языке и быть среди людей со схожим бэкграундом превращает россиянина в «плохого» мигранта, и именно язык требует от мигранта наибольшей дисциплины – такое требова-

¹⁹ Эту формулу также воспроизводят в меню кафе, на дверях баров и в других заведениях, а мои информанты повторяют ее слово в слово, как скороговорку.

²⁰ Среди них есть и обеспеченные люди, купившие недвижимость на целой улице, и небогатые работники этнических кафе – в своем разнообразии они вряд ли отличны от россиян-мигрантов.

ние вполне совпадает с политикой других стран к «интеграции» мигрантов (Van Hoof, Nyssen, and Kanobana 2020). Наконец, третьи критикуют заведения через понятие «дефолтного языка», то есть ожидания некоторыми россиянами того, что по-русски с ними может и хочет общаться любой встречный местный житель, «как будто [грузин] должен это знать!» (Виктор, переехал в 2022 г.)²¹.

В результате возникает коллизия: одни открывают русскоязычное лекционное пространство, чтобы удовлетворить спрос русскоязычной аудитории, а другие видят в этом отказ от «интеграции» и практику «русского как дефолтного» (и следующую за этим в одном ряду «русскую экспансию», говоря словами грузинки Мари). Контрастным примером предстают места, открытые белорусскими мигрантами. Мои собеседницы, переехавшие после протестов 2020 года, без стеснения говорили, что строят пространства «для своих». Так, Алеся, управляющая коворкингом для белорусских активистов, говорит, что «пространство в целом было нужно диаспоре, чтобы где-то могли и работать активисты, активистки, проводить какие-то мероприятия». В таких местах русский язык не проблематизируется²², поскольку не воспринимается как «дефолтный русский»; он служит инструментальным языком для общения и не несет требования ко всем горожанам знать его.

В этой противоречивой ситуации право на апроприацию пространства города, как и право на участие в городской публичной жизни, ускользает от российских мигрантов. С одной стороны, они создают безопасные для себя места, которые могли бы рассматриваться как пространства, дающие чувство принадлежности (Aquino et al. 2022). Через них россияне меняют город «под себя», реализуя «активное право на преобразование города, на приведение его в соответствие с нашими общими нуждами и желаниями» (Харви 2008:93) – и, несомненно, реализуют право на город. Однако, с другой стороны, россияне обладают существенными экономическими возможностями развивать в городе малое предпринимательство и создают многочисленные «третьи места» и сервисы, в которых используется русский язык. Несмотря на то, что он далеко не всегда индексирует «русскость» в повседневности жителей Тбилиси (Sherouse 2014), русский язык все же политически «заряжен» и актуализирует дискуссию об экспансии «русского» и наследии советского колониализма. Эти два фактора превращают россиян в доминирующую, экономически сильную группу городских жителей, навязывающую городу свои форматы потребления и использования пространства, свой язык, подчеркивая его «дефолтность», воспроизводя его как норму. Соответственно только те, кто сопротивляется подобной языковой и экономической «экспансии» россиян, могут быть квалифицированы как легитимные носители права на город, но никак не те, кто эту «экспансию» осуществляют.

²¹ «Получается, когда в Петербурге на Апраксином дворе я делаю в чужах заказ, показав на его номер в каталоге (и не могу добиться ни слова по-русски от человека на кассе), я воспринимаю это как аутентичный опыт соприкосновения с миром китайских мигрантов и их культурой, а когда вижу, что в заведении, открытом в Тбилиси россиянами, нет персонала, способного принять заказ на грузинском, – как реализацию подхода «русского как дефолтного» (Из дневника наблюдения, 1 сентября 2022 г.).

²² Точнее, проблематизируется, но совсем иначе, из перспективы доминирования русского языка в Республике Беларусь.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ: ИНТЕРСЕКЦИОНАЛЬНОСТЬ ПРАВА НА ГОРОД И ТРЕБОВАНИЕ СОСТРАДАНИЯ

Мое эссе не ставит задачу оценить «объективные» возможности россиян бороться за право на город и уж тем более дать этическую оценку тому, как россияне обживаются в Тбилиси. Напротив, моя идея заключалась в том, чтобы отрефлексировать, почему я сама, будучи россиянкой и исследовательницей города, нахожусь в недоумении, подходит ли этот концепт для описания российской миграции в Грузию. Право на город казалось мне почти универсальным способом говорить о городском измерении миграции, и возникшие трудности концептуализации дали сигнал к тому, чтобы увидеть в этой концепции что-то, что выходит за пределы ее видимой академической части.

Первое наблюдение – концепция не уделяет внимание тому, «чье» право на город стоит на повестке – речь и об экономическом положении, и о формах исключения (Marcuse 2012), и о гендерном измерении (Fenster 2005; Vacchelli and Peyrefitte 2018). Питер Маркузе обосновывает, от каких групп может исходить право на город (Marcuse 2012:31, 32). Это не только наиболее маргинализованные и экономически незащищенные горожане, но и угнетаемые «культурные» категории горожан, независимые от классовой принадлежности: молодежь, художники, значительная часть интеллигенции, оказывающие сопротивление господствующей системе, а также жертвы сексизма, гомофобии, расизма, анти-мигрантских настроений и иных общественных установок. Маркузе уравнивает самые экономически незащищенные группы и те группы, которые чувствуют ограничения в возможности жить полной неотчужденной жизнью в потенциях реализовать право на город, но отмечает преимущество интересов экономически слабых.

В эссе я показала, что отыскать место для группы «россияне» в пуле тех, кого активисты и исследователи поощряют к борьбе за смену способа производства городского пространства, к оспариванию монополии государства и капитала, проблематично (Purcell 2002). Имеют ли россияне «право» обживать, менять пространство Тбилиси по собственному усмотрению? Мне кажется важным подчеркнуть: вместо того, чтобы определять россиян в одну воображаемую гомогенную группу, пытаюсь понять, находится ли она в положении «жертв антимигрантских настроений», или, напротив, «экономически сильных потребителей», стоит обратить внимание на различия внутри этой разнообразной группы россиян, а также на ситуативность привилегий и уязвимостей. Если в одних ситуациях россияне действуют как «туристы», а в другой как «мигранты», важно понять контексты, в которых эти форматы возникают и переключаются. В противном случае, рассматривая право на город в привязке к категориям, а не ситуациям, я как исследовательница попадаю в ловушку, в которой контексты российской миграции – экономический, постколониальный, политический – не позволяют мне говорить ни о каком праве на город для россиян, потому что доминируют над ситуативной городской практикой и взаимодействиями, в которых какие-то группы россиян могут испытывать исключение, искать (и не находить) возможности участия в городской публичной жизни или заботе об общем благе.

Второе наблюдение, напрямую связанное с первым, – это неожиданно открывшееся мне этическое измерение права на город. С одной стороны, было бы странно считать, что «право на город» претендует на отстраненность и объективность. Как и любая неомарксистская концепция, она содержит компонент призыва к действию, к изменению; она ангажирована. Исследования миграции также имеют этическое измерение, когда обсуждают, например, вопросы редистрибуции богатств в пользу более бедных стран через транснациональные семьи мигрантов-предпринимателей (Grant and Thompson 2015), а городские исследования поощряют создание пространств, в которых мигранты имеют возможность заявлять о своем праве на отличие (Piazzon 2020). С другой стороны, анализ сложного контекста российской миграции в Тбилиси открыл для меня, до какой степени важен при работе с этой концепцией ее этический компонент. Право на город требует и от исследователя, и от читателя схожего понимания, что положение тех, кому адресовано право на город, уязвимо. Если я не ощущаю некоторое *сострадание* в отношении субъектов права на город, а знание об их жизни не вызывает у меня ощущения несправедливости, я не могу обращаться к этой концепции. Упоминание права на город и сопряженной терминологии не только позволяет анализировать городские отношения власти, но также сообщает читателям: определенная группа имеет право быть в городе, жить в городе, быть такой, какая она есть, не чувствовать исключенности из общественной жизни и влиять на то, как город развивается. У этой группы может не быть формального гражданства, но это неважно, потому что их практики могут указывать на наличие связи между ее членами и широким городским сообществом и формировать городское гражданство.

Но сравните: кто готов согласиться с тем, что право на город заслуживают обеспеченные люди из бывшей метрополии, считающие, что в принимающем обществе все должны разговаривать на их языке, потребляющие дорогие товары и услуги, распространение которых вытесняет местных жителей из центра города? И кто будет готов отказать в праве на город мигрантам, которых местные жители не впускают в заведения из-за цвета паспорта, которым не сдают квартиры, от которых требуют «интегрироваться», не соглашаясь на кооперацию? Добавим к этому еще один важнейший момент – рефлексию моей собственной субъектности в этом поле. Могу ли я, россиянка, которая была в одном шаге от миграции в Грузию в марте 2022 года, отстраниться от переживаний, схожих с теми, что есть у моих информантов, и сказать, что мое сострадание и признание их уязвимости, во-первых, этично, во-вторых, будет разделяться читателями этого текста? Ловушка, в которой я оказалась, захлопывается.

Все это, конечно, не означает, что право на город – бессмысленный концепт. Этические трудности в его применении лишь дали возможность увидеть его силу. Если право на город – это коллективное право людей, не обладающих властью, противостоять неолиберальным тенденциям развития городов (Харви 2008), это открывает потенциал к объединению разных горожан. Как отмечает один из исследователей миграции в Израиле (Jabareen 2014), институциональная, юридическая и этнополитическая структура этой страны работает на исключение и арабского, и еврейского населения, лишая их права на город. Однако степень, до

которой этой исключение доходит, совершенно разная. И грузины, и россияне, и все другие многочисленные этнические (и не только) группы в Тбилиси в этом смысле похожи, поскольку город, в котором они живут, меняется под властью капитала и неинклюзивных структур власти. Однако обладая разными ресурсами и ситуативно оказываясь в разных обстоятельствах, городские группы имеют разные возможности присутствовать в городе и влиять на его изменения, и, несмотря на желание соединиться и примирить всех в общей борьбе за право на город, эти различия очень важно учитывать.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Харви, Дэвид. 2008. «Право на город». *Логос* 3:80–94.
- Якимова, Ольга. 2020. «Репрезентация мигрантов в российских массмедиа и ее динамика (2010–2020 гг.)». *Siberian Socium* 14(4):22–40. <https://doi.org/10.21684/2587-8484-2020-4-4-22-40>.
- Alexandri, Georgia, and Michael Janoschka. 2020. “‘Post-pandemic’ Transnational Gentrifications: A Critical Outlook.” *Urban Studies* 57(15):3202–3214. <https://doi.org/10.1177/0042098020946453>.
- Aquino, Kristine, Amanda Wise, Selvaraj Velayutham, Keith D. Parry, and Sarah Neal. 2022. “The Right to the City: Outdoor Informal Sport and Urban Belonging in Multicultural Spaces.” *Annals of Leisure Research* 25(4):472–490. <https://doi.org/10.1080/11745398.2020.1859391>.
- Barad, Karen. 2003. “Posthumanist Performativity: Toward an Understanding of How Matter Comes to Matter.” *Signs: Journal of Women in Culture and Society* 28(3):801–831. <https://doi.org/10.1086/345321>.
- Bauder, Harald. 2008. “Citizenship as Capital: The Distinction of Migrant Labor.” *Alternatives: Global, Local, Political* 33(3):315–333. <https://doi.org/10.1177/030437540803300303>.
- Biagioli, Mario, and Vincent A. Lépinay. 2019. *From Russia with Code: Programming Migrations in Post-Soviet Times*. Durham, NC: Duke University Press.
- Blokland, Talja, Christine Hentschel, Andrej Holm, Henrik Lebuhn, and Talia Margalit. 2015. “Urban Citizenship and Right to the City: The Fragmentation of Claims.” *International Journal of Urban and Regional Research* 39(4):655–665. <https://doi.org/10.1111/1468-2427.12259>.
- Britton, Joanne. 2015. “Muslims, Racism and Violence after the Paris Attacks.” *Sociological Research Online* 20(3):207–212. <https://doi.org/10.5153/sro.3736>.
- Colomb, Claire, and Johannes Novy, eds. 2017. *Protest and Resistance in the Tourist City*. London: Routledge.
- Cook, Dave. 2022. “Breaking the Contract: Digital Nomads and the State.” *Critique of Anthropology* 42(3):304–323. <https://doi.org/10.1177/0308275X221120172>.
- Crenshaw, Kimberlé. 1989. “Demarginalizing the Intersection of Race and Sex: A Black Feminist Critique of Antidiscrimination Doctrine, Feminist Theory and Antiracist Politics.” *University of Chicago Legal Forum* 1:139–167.
- Cummings, Jake. 2015. “Confronting Favela Chic: The Gentrification of Informal Settlements in Rio de Janeiro, Brazil.” Pp. 81–99 in *Global Gentrifications: Uneven Development and Displacement*, edited by Loretta Lees, Hyun Bang Shin, and Ernesto Lopez-Morales. Bristol, UK: Policy Press.
- Darieva, Tsypylma. 2023. “Claiming the City: Muslim Faith-Based Activism as ‘Lived Citizenship’ in Georgia.” *Religion, State and Society* 51(1):65–82. <https://doi.org/10.1080/09637494.2023.2174759>.
- Darling, Jonathan. 2014. “From Hospitality to Presence.” *Peace Review* 26(2):162–169. <https://doi.org/10.1080/10402659.2014.906872>.
- De Genova, Nicholas. 2013. “Spectacles of Migrant ‘Illegality’: The Scene of Exclusion, the Obscene of Inclusion.” *Ethnic and Racial Studies* 36(7):1180–1198. <https://doi.org/10.1080/01419870.2013.783710>.

- Demirbas, Gokben. 2022. "A Lefebvorean Right to *Unalienating* Leisure and Citizenship." *Annals of Leisure Research*. <https://doi.org/10.1080/11745398.2022.2132522>.
- Drydakis, Nick. 2011. "Ethnic Discrimination in the Greek Housing Market." *Journal of Population Economics* 24(4):1235–1255. <https://doi.org/10.1007/s00148-010-0313-0>.
- Erdal, Marta B., and Ceri Oeppen. 2018. "Forced to Leave? The Discursive and Analytical Significance of Describing Migration as Forced and Voluntary." *Journal of Ethnic and Migration Studies* 44(6):981–998. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2017.1384149>.
- Fast, Karin. 2022. "Who Has the Right to the Coworking Space? Reframing Platformed Workspaces as Elite Territory in the Geomedia City." *Space and Culture*. <https://doi.org/10.1177/12063312221090429>.
- Fechter, Anne-Meike, and Katie Walsh. 2010. "Examining 'Expatriate' Continuities: Postcolonial Approaches to Mobile Professionals." *Journal of Ethnic and Migration Studies* 36(8):1197–1210. <https://doi.org/10.1080/13691831003687667>.
- Fenster, Tovi. 2005. "The Right to the Gendered City: Different Formations of Belonging in Everyday Life." *Journal of Gender Studies* 14(3):217–231. <https://doi.org/10.1080/09589230500264109>.
- Gant, Agustín C. 2016. "Holiday Rentals: The New Gentrification Battlefield." *Sociological Research Online* 21(3):112–120. <https://doi.org/10.5153/sro.4071>.
- Gogishvili, David, and Alessandro Coppola. 2018. "Researching Georgian Cities Structural Changes, Emerging Issues and Promising Paths of Enquiry." *QU3: iQuaderni di U3* 15(5):5–17. <http://digital.casalini.it/10.1400/267958>.
- Grant, Richard, and Daniel Thompson. 2015. "City on Edge: Immigrant Businesses and the Right to Urban Space in Inner-City Johannesburg." *Urban Geography* 36(2):181–200. <https://doi.org/10.1080/02723638.2014.988057>.
- Green, Paul. 2020. "Disruptions of Self, Place and Mobility: Digital Nomads in Chiang Mai, Thailand." *Mobilities* 15(3):431–445. <https://doi.org/10.1080/17450101.2020.1723253>.
- Hierman, Brent D. 2022. "Colonial Legacies and Global Networks in Central Asia and the Caucasus." Pp. 635–654 in *The Oxford Handbook of Economic Imperialism*, edited by Zak Cope and Immanuel Ness. Oxford: Oxford University Press.
- Huseynova, Sevil, Mikayel Zolyan, and Sergey Rumyantsev. 2019. "Conflicts and De-Sovietization of the South Caucasus Political Regimes and Memorial Landscapes." *Caucasus Edition: Journal of Conflict Transformation* 4(2):3–35. <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/403244505.pdf>.
- Iveson, Kurt. 2013. "Cities within the City: Do-It-Yourself Urbanism and the Right to the City." *International Journal of Urban and Regional Research* 37(3):941–956. <https://doi.org/10.1111/1468-2427.12053>.
- Jabareen, Yosef. 2014. "'The Right to the City' Revisited: Assessing Urban Rights—The Case of Arab Cities in Israel." *Habitat International* 41:135–141. <https://doi.org/10.1016/j.habitatint.2013.06.006>.
- Janoschka, Michael, Jorge Sequera, and Luis Salinas. 2014. "Gentrification in Spain and Latin America: A Critical Dialogue." *International Journal of Urban and Regional Research* 38(4):1234–1265. <https://doi.org/10.1111/1468-2427.12030>.
- Kamalov, Emil, Veronica Kostenko, Ivetta Sergeeva, and Margarita Zavadsкая. 2022. "Russia's 2022 Anti-war Exodus: The Attitudes and Expectations of Russian Migrants." PONARS Eurasia Policy Memo no. 790, September 6. <https://www.ponarseurasia.org/russias-2022-anti-war-exodus-the-attitudes-and-expectations-of-russian-migrants/>.
- Kaplan, Caren. 1996. *Questions of Travel: Postmodern Discourses of Displacement*. Durham, NC: Duke University Press.
- Kondylis, Florence. 2010. "Conflict Displacement and Labor Market Outcomes in Post-war Bosnia and Herzegovina." *Journal of Development Economics* 93(2):235–248. <https://doi.org/10.1016/j.jdeveco.2009.10.004>.
- Kunz, Sarah. 2020. "Expatriate, Migrant? The Social Life of Migration Categories and the Polyvalent Mobility of Race." *Journal of Ethnic and Migration Studies* 46(11):2145–2162. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2019.1584525>.

- Kuzio, Taras. 2002. "History, Memory and Nation Building in the Post-Soviet Colonial Space." *Nationalities Papers* 30(2):241–264. <https://doi.org/10.1080/00905990220140649>.
- Lefebvre, Henry. 1996. *Writings on Cities*. Oxford: Blackwell.
- Marcuse, Peter. 2012. "Whose Right(s) to What City?" Pp. 24–41 in *Cities for People, Not for Profit*, edited by Neil Brenner, Peter Marcuse, and Margit Mayer. London: Routledge.
- McElroy, Erin. 2020. "Digital Nomads in Siliconising Cluj: Material and Allegorical Double Dispossession." *Urban Studies* 57(15):3078–3094. <https://doi.org/10.1177/0042098019847448>.
- Merrifield, Andy. 2017. "Fifty Years on the Right to the City." Pp. 13–18 in *The Right to the City: A Verso Report*, edited by Verso Books UK. London: Verso Books.
- Muniandy, Parthiban. 2015. "Informality and the Politics of Temporariness: Ethnic Migrant Economies in Little Bangladesh and Little Burma in Kuala Lumpur, Malaysia." *International Sociology* 30(6):561–578. <https://doi.org/10.1177/0268580915605649>.
- O'Reilly, Karen, and Michaela Benson. 2009. "Lifestyle Migration: Escaping to the Good Life?" Pp. 1–13 in *Lifestyle Migrations: Expectations, Aspirations and Experiences*, edited by Michaela Benson and Karen O'Reilly. London: Routledge.
- Piazzoni, Francesca. 2020. "Visibility as Justice: Immigrant Street Vendors and the Right to Difference in Rome." *Journal of Planning Education and Research*, OnlineFirst. <https://doi.org/10.1177/0739456X20956387>.
- Pine, Adam M. 2010. "The Performativity of Urban Citizenship." *Environment and Planning A: Economy and Space* 42(5):1103–1120. <https://doi.org/10.1068/a42193>.
- Portes, Alejandro, and Robert D. Manning. 2019. "The Immigrant Enclave: Theory and Empirical Examples." Pp. 568–579 in *Social Stratification, Class, Race, and Gender in Sociological Perspective*, edited by David Grusky, 2nd ed. London: Routledge.
- Price, Marie, and Elizabeth Chacko. 2009. "The Mixed Embeddedness of Ethnic Entrepreneurs in a New Immigrant Gateway." *Journal of Immigrant & Refugee Studies* 7(3):328–346. <https://doi.org/10.1080/15562940903150105>.
- Purcell, Mark. 2002. "Excavating Lefebvre: The Right to the City and Its Urban Politics of the Inhabitant." *GeoJournal* 58(2/3):99–108. <https://doi.org/10.1023/B:GEJO.0000010829.62237.8f>.
- Purcell, Mark. 2003. "Citizenship and the Right to the Global City: Reimagining the Capitalist World Order." *International Journal of Urban and Regional Research* 27(3):564–590. <https://doi.org/10.1111/1468-2427.00467>.
- Rekhviashvili, Lela. 2015. "Marketization and the Public-Private Divide: Contestations between the State and the Petty Traders over the Access to Public Space in Tbilisi." *International Journal of Sociology and Social Policy* 35(7/8):478–496. <https://doi.org/10.1108/IJSSP-10-2014-0091>.
- Salukvadze, Gvantsa, and Temur Gugushvili. 2018. "Geographic Patterns of Tourism in Urban Settlements of Georgia." *QU3: iQuaderni di U3* 15(5):33–44. <https://doi.org/10.1400/267960>.
- Sezer, Ceren. 2018. "Public Life, Immigrant Amenities and Socio-Cultural Inclusion: The Presence and Changes of Turkish Amenities in Amsterdam." *Journal of Urban Design* 23(6):823–842. <https://doi.org/10.1080/13574809.2018.1475221>.
- Sherouse, Perry. 2014. "Quality, Comfort, and Ease: Remapping the Affordances of Russian Language in Tbilisi, Georgia." PhD dissertation, Department of Anthropology, University of Michigan.
- Slezkine, Yuri. 2000. "Imperialism as the Highest Stage of Socialism." *Russian Review* 59(2):227–234. <https://doi.org/10.1111/0036-0341.00118>.
- Tlostanova, Madina. 2015. "Can the Post-Soviet Think?" *Intersections: East European Journal of Society and Politics* 1(2):38–58. <https://doi.org/10.17356/ieejsp.v1i2.38>.
- Torbat, Akbar E. 2002. "The Brain Drain from Iran to the United States." *Middle East Journal* 56(2):272–295. <https://www.jstor.org/stable/4329755>.
- Tsuladze, Lia. 2021. "A Monocrat's Hobby and Its Power: On Shadow Politics in Georgia." *Caucasus Survey* 9(1):42–59. <https://doi.org/10.1080/23761199.2020.1871564>.

- Vacchelli, Elena, and Magali Peyrefitte. 2018. "From *a/Topia* to *Topia*: Towards a Gendered Right to the City for Migrant Volunteers in London." *Cities* 76:12–17. <https://doi.org/10.1016/j.cities.2017.04.007>.
- Van der Bracht, Koen, Ad Coenen, and Bart Van de Putte. 2015. "The Not-in-My-Property Syndrome: The Occurrence of Ethnic Discrimination in the Rental Housing Market in Belgium." *Journal of Ethnic and Migration Studies* 41(1):158–175. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2014.913476>.
- Van Hoof, Sarah, Sara Nyssen, and Sibö Kanobana. 2020. "If They Could, They Would Put Them on a Drip with Dutch': Language Learning and the Professional Integration of Migrants in Flanders." *International Journal of the Sociology of Language* 264:73–94. <https://doi.org/10.1515/ijsl-2020-2094>.
- Wachsmuth, David, and Alexander Weisler. 2018. "Airbnb and the Rent Gap: Gentrification through the Sharing Economy." *Environment and Planning A: Economy and Space* 50(6):1147–1170. <https://doi.org/10.1177/0308518X18778038>.

СПИСОК ИНФОРМАНТОВ, ИНТЕРВЬЮ С КОТОРЫМИ ИСПОЛЬЗОВАНЫ В ТЕКСТЕ (ВСЕ ИМЕНА ИЗМЕНЕНЫ)

- Андрей, около 30 лет, искусствовед, переехал в Тбилиси в 2019 году из Москвы.
- Роман, около 30 лет, сотрудник крупной IT-компании, переехал из Москвы в конце 2021 года.
- Оля, около 23 лет, администраторка бара, работала в Грузии и Армении, переехала из Москвы в 2019 году.
- Надежда, около 40 лет, экоктивистка, создательница собственного волонтерского проекта в Тбилиси, переехала из Москвы в 2012 году.
- Лэла, около 35 лет, грузинка, владелица кофейни, родилась и выросла в Москве, переехала в 2021 году.
- Мари, около 50 лет, грузинская политическая и экоктивистка.
- Артем, около 35 лет, социальный предприниматель, перевез свой образовательный проект из Петербурга в марте 2022 года.
- Игорь, около 30 лет, петербургский активист, дизайнер, переехал в марте 2022 года.
- Виктор, около 35 лет, сотрудник IT-компании, создатель экологического проекта в Тбилиси, переехал из Москвы в марте 2022 года.
- Тина, около 30 лет, грузинка, аспирантка университета в Тбилиси.
- Алеся, около 35 лет, администраторка коворкинга для белорусских активистов, переехала из Пинска в 2020 году.
- Анна, преподавательница, участница образовательного проекта для детей в Тбилиси, переехала в 2018 году.

MIGRANTS, TOURISTS, RELOKANTY, OR OCCUPIERS?

Essay on Russians in Tbilisi, Broken
Hospitality, and the Right to the City

Liubov Chernysheva

Liubov Chernysheva, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences, a branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences; Centre for Independent Social Research, Saint Petersburg, Russia. l.a.chernysheva@gmail.com.

In the essay, I invite readers to trace my work with the concept of the right to the city to analyze how Russian citizens who have moved to Tbilisi, Georgia, over the past 10 years, including after the outbreak of Russia's full-scale invasion of Ukraine in February 2022, are settling in. The materials collected during fieldwork in August 2022 allow me to question the universalism inherent in the right to the city literature and, from the perspective of the intersection of multiple factors—from economic status to their origin in the former metropolis—to consider the possibility of Russians who find themselves in Tbilisi realizing their right to the city. I consistently conceptualize Russians as “tourists” and “digital nomads” oriented toward the consumption of urban goods and as “migrants” who are attuned to but, in some cases, excluded from urban life by the local community. To this analytical division, I “try on” the concept of the right to the city and show where it does or does not work. I conclude that, first, the concept fails to take into account the intersection of different characteristics that serve as the basis for inequalities that may arise within the group of potential subjects of the right to the city. I recommend being more attentive to the differences within the “Russians in Tbilisi” group and considering the switches between specific situations of manifestation of the right to the city. I also draw attention to the fact that the concept has an ethical dimension related to showing compassion to the subjects of the right to the city, which makes it problematic to work with in complex contexts such as the migration of Russians to Georgia in 2022.

Keywords: Right to the City; Urban Citizenship; Migration; Tourism; Touristification; Expats; Digital Nomadism

REFERENCES

- Alexandri, Georgia, and Michael Janoschka. 2020. “‘Post-pandemic’ Transnational Gentrifications: A Critical Outlook.” *Urban Studies* 57(15):3202–3214. <https://doi.org/10.1177/0042098020946453>.
- Aquino, Kristine, Amanda Wise, Selvaraj Velayutham, Keith D. Parry, and Sarah Neal. 2022. “The Right to the City: Outdoor Informal Sport and Urban Belonging in Multicultural Spaces.” *Annals of Leisure Research* 25(4):472–490. <https://doi.org/10.1080/11745398.2020.1859391>.
- Barad, Karen. 2003. “Posthumanist Performativity: Toward an Understanding of How Matter Comes to Matter.” *Signs: Journal of Women in Culture and Society* 28(3):801–831. <https://doi.org/10.1086/345321>.
- Bauder, Harald. 2008. “Citizenship as Capital: The Distinction of Migrant Labor.” *Alternatives: Global, Local, Political* 33(3):315–333. <https://doi.org/10.1177/030437540803300303>.
- Biagioli, Mario, and Vincent A. Lépinay. 2019. *From Russia with Code: Programming Migrations in Post-Soviet Times*. Durham, NC: Duke University Press.
- Blokland, Talja, Christine Hentschel, Andrej Holm, Henrik Lebuhn, and Talia Margalit. 2015. “Urban Citizenship and Right to the City: The Fragmentation of Claims.” *International Journal of Urban and Regional Research* 39(4):655–665. <https://doi.org/10.1111/1468-2427.12259>.
- Britton, Joanne. 2015. “Muslims, Racism and Violence after the Paris Attacks.” *Sociological Research Online* 20(3):207–212. <https://doi.org/10.5153/sro.3736>.
- Colomb, Claire, and Johannes Novy, eds. 2017. *Protest and Resistance in the Tourist City*. London: Routledge.
- Cook, Dave. 2022. “Breaking the Contract: Digital Nomads and the State.” *Critique of Anthropology* 42(3):304–323. <https://doi.org/10.1177/0308275X221120172>.
- Crenshaw, Kimberlé. 1989. “Demarginalizing the Intersection of Race and Sex: A Black Feminist Critique of Antidiscrimination Doctrine, Feminist Theory and Antiracist Politics.” *University of Chicago Legal Forum* 1:139–167.
- Cummings, Jake. 2015. “Confronting Favela Chic: The Gentrification of Informal Settlements in Rio de Janeiro, Brazil.” Pp. 81–99 in *Global Gentrifications: Uneven Development and Displacement*, edited by Loretta Lees, Hyun Bang Shin, and Ernesto Lopez-Morales. Bristol, UK: Policy Press.

- Darieva, Tsypylma. 2023. "Claiming the City: Muslim Faith-Based Activism as 'Lived Citizenship' in Georgia." *Religion, State and Society* 51(1):65–82. <https://doi.org/10.1080/09637494.2023.2174759>.
- Darling, Jonathan. 2014. "From Hospitality to Presence." *Peace Review* 26(2):162–169. <https://doi.org/10.1080/10402659.2014.906872>.
- De Genova, Nicholas. 2013. "Spectacles of Migrant 'Illegality': The Scene of Exclusion, the Obscene of Inclusion." *Ethnic and Racial Studies* 36(7):1180–1198. <https://doi.org/10.1080/01419870.2013.783710>.
- Demirbas, Gokben. 2022. "A Lefebvorean Right to *Unalienating* Leisure and Citizenship." *Annals of Leisure Research*. <https://doi.org/10.1080/11745398.2022.2132522>.
- Drydakakis, Nick. 2011. "Ethnic Discrimination in the Greek Housing Market." *Journal of Population Economics* 24(4):1235–1255. <https://doi.org/10.1007/s00148-010-0313-0>.
- Erdal, Marta B., and Ceri Oeppen. 2018. "Forced to Leave? The Discursive and Analytical Significance of Describing Migration as Forced and Voluntary." *Journal of Ethnic and Migration Studies* 44(6):981–998. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2017.1384149>.
- Fast, Karin. 2022. "Who Has the Right to the Coworking Space? Reframing Platformed Workspaces as Elite Territory in the Geomedia City." *Space and Culture*. <https://doi.org/10.1177/12063312221090429>.
- Fechter, Anne-Meike, and Katie Walsh. 2010. "Examining 'Expatriate' Continuities: Postcolonial Approaches to Mobile Professionals." *Journal of Ethnic and Migration Studies* 36(8):1197–1210. <https://doi.org/10.1080/13691831003687667>.
- Fenster, Tovi. 2005. "The Right to the Gendered City: Different Formations of Belonging in Everyday Life." *Journal of Gender Studies* 14(3):217–231. <https://doi.org/10.1080/09589230500264109>.
- Gant, Agustín C. 2016. "Holiday Rentals: The New Gentrification Battlefield." *Sociological Research Online* 21(3):112–120. <https://doi.org/10.5153/sro.4071>.
- Gogishvili, David, and Alessandro Coppola. 2018. "Researching Georgian Cities Structural Changes, Emerging Issues and Promising Paths of Enquiry." *QU3: iQuaderni di U3* 15(5):5–17. <http://digital.casalini.it/10.1400/267958>.
- Grant, Richard, and Daniel Thompson. 2015. "City on Edge: Immigrant Businesses and the Right to Urban Space in Inner-City Johannesburg." *Urban Geography* 36(2):181–200. <https://doi.org/10.1080/02723638.2014.988057>.
- Green, Paul. 2020. "Disruptions of Self, Place and Mobility: Digital Nomads in Chiang Mai, Thailand." *Mobilities* 15(3):431–445. <https://doi.org/10.1080/17450101.2020.1723253>.
- Harvey, David. 2008. "Pravo na gorod." *Logos* 3:80–94.
- Hierman, Brent D. 2022. "Colonial Legacies and Global Networks in Central Asia and the Caucasus." Pp. 635–654 in *The Oxford Handbook of Economic Imperialism*, edited by Zak Cope and Immanuel Ness. Oxford: Oxford University Press.
- Huseynova, Sevil, Mikayel Zolyan, and Sergey Rummyantsev. 2019. "Conflicts and De-Sovietization of the South Caucasus Political Regimes and Memorial Landscapes." *Caucasus Edition: Journal of Conflict Transformation* 4(2):3–35. <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/403244505.pdf>.
- Iakimova, Olga. 2020. "Reprezentatsiia migrantov v rossiiskikh massmedia i ee dinamika (2010–2020 gg.)." *Siberian Socium* 4(14):22–40. <https://doi.org/10.21684/2587-8484-2020-4-4-22-40>.
- Iveson, Kurt. 2013. "Cities within the City: Do-It-Yourself Urbanism and the Right to the City." *International Journal of Urban and Regional Research* 37(3):941–956. <https://doi.org/10.1111/1468-2427.12053>.
- Jabareen, Yosef. 2014. "'The Right to the City' Revisited: Assessing Urban Rights—The Case of Arab Cities in Israel." *Habitat International* 41:135–141. <https://doi.org/10.1016/j.habitatint.2013.06.006>.
- Janoschka, Michael, Jorge Sequera, and Luis Salinas. 2014. "Gentrification in Spain and Latin America: A Critical Dialogue." *International Journal of Urban and Regional Research* 38(4):1234–1265. <https://doi.org/10.1111/1468-2427.12030>.

- Kamalov, Emil, Veronica Kostenko, Ivettta Sergeeva, and Margarita Zavadskaya. 2022. "Russia's 2022 Anti-war Exodus: The Attitudes and Expectations of Russian Migrants." PONARS Eurasia Policy Memo no. 790, September 6. <https://www.ponarseurasia.org/russias-2022-anti-war-exodus-the-attitudes-and-expectations-of-russian-migrants/>.
- Kaplan, Caren. 1996. *Questions of Travel: Postmodern Discourses of Displacement*. Durham, NC: Duke University Press.
- Kondylis, Florence. 2010. "Conflict Displacement and Labor Market Outcomes in Post-war Bosnia and Herzegovina." *Journal of Development Economics* 93(2):235–248. <https://doi.org/10.1016/j.jdeveco.2009.10.004>.
- Kunz, Sarah. 2020. "Expatriate, Migrant? The Social Life of Migration Categories and the Polyvalent Mobility of Race." *Journal of Ethnic and Migration Studies* 46(11):2145–2162. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2019.1584525>.
- Kuzio, Taras. 2002. "History, Memory and Nation Building in the Post-Soviet Colonial Space." *Nationalities Papers* 30(2):241–264. <https://doi.org/10.1080/00905990220140649>.
- Lefebvre, Henry. 1996. *Writings on Cities*. Oxford: Blackwell.
- Marcuse, Peter. 2012. "Whose Right(s) to What City?" Pp. 24–41 in *Cities for People, Not for Profit*, edited by Neil Brenner, Peter Marcuse, and Margit Mayer. London: Routledge.
- McElroy, Erin. 2020. "Digital Nomads in Siliconising Cluj: Material and Allegorical Double Dispossession." *Urban Studies* 57(15):3078–3094. <https://doi.org/10.1177/0042098019847448>.
- Merrifield, Andy. 2017. "Fifty Years on the Right to the City." Pp. 13–18 in *The Right to the City: A Verso Report*, edited by Verso Books UK. London: Verso Books.
- Muniandy, Parthiban. 2015. "Informality and the Politics of Temporariness: Ethnic Migrant Economies in Little Bangladesh and Little Burma in Kuala Lumpur, Malaysia." *International Sociology* 30(6):561–578. <https://doi.org/10.1177/0268580915605649>.
- O'Reilly, Karen, and Michaela Benson. 2009. "Lifestyle Migration: Escaping to the Good Life?" Pp. 1–13 in *Lifestyle Migrations: Expectations, Aspirations and Experiences*, edited by Michaela Benson and Karen O'Reilly. London: Routledge.
- Piazzoni, Francesca. 2020. "Visibility as Justice: Immigrant Street Vendors and the Right to Difference in Rome." *Journal of Planning Education and Research*, OnlineFirst. <https://doi.org/10.1177/0739456X20956387>.
- Pine, Adam M. 2010. "The Performativity of Urban Citizenship." *Environment and Planning A: Economy and Space* 42(5):1103–1120. <https://doi.org/10.1068/a42193>.
- Portes, Alejandro, and Robert D. Manning. 2019. "The Immigrant Enclave: Theory and Empirical Examples." Pp. 568–579 in *Social Stratification, Class, Race, and Gender in Sociological Perspective*, edited by David Grusky, 2nd ed. London: Routledge.
- Price, Marie, and Elizabeth Chacko. 2009. "The Mixed Embeddedness of Ethnic Entrepreneurs in a New Immigrant Gateway." *Journal of Immigrant & Refugee Studies* 7(3):328–346. <https://doi.org/10.1080/15562940903150105>.
- Purcell, Mark. 2002. "Excavating Lefebvre: The Right to the City and Its Urban Politics of the Inhabitant." *GeoJournal* 58(2/3):99–108. <https://doi.org/10.1023/B:GEJO.0000010829.62237.8f>.
- Purcell, Mark. 2003. "Citizenship and the Right to the Global City: Reimagining the Capitalist World Order." *International Journal of Urban and Regional Research* 27(3):564–590. <https://doi.org/10.1111/1468-2427.00467>.
- Rekhiashvili, Lela. 2015. "Marketization and the Public-Private Divide: Contestations between the State and the Petty Traders over the Access to Public Space in Tbilisi." *International Journal of Sociology and Social Policy* 35(7/8):478–496. <https://doi.org/10.1108/IJSSP-10-2014-0091>.
- Salukvadze, Gvantsa, and Temur Gugushvili. 2018. "Geographic Patterns of Tourism in Urban Settlements of Georgia." *QU3: iQuaderni di U3* 15(5):33–44. <https://doi.org/10.1400/267960>.
- Sezer, Ceren. 2018. "Public Life, Immigrant Amenities and Socio-Cultural Inclusion: The Presence and Changes of Turkish Amenities in Amsterdam." *Journal of Urban Design* 23(6):823–842. <https://doi.org/10.1080/13574809.2018.1475221>.

- Sherouse, Perry. 2014. "Quality, Comfort, and Ease: Remapping the Affordances of Russian Language in Tbilisi, Georgia." PhD dissertation, Department of Anthropology, University of Michigan.
- Slezkine, Yuri. 2000. "Imperialism as the Highest Stage of Socialism." *Russian Review* 59(2):227–234. <https://doi.org/10.1111/0036-0341.00118>.
- Tlostanova, Madina. 2015. "Can the Post-Soviet Think?" *Intersections: East European Journal of Society and Politics* 1(2):38–58. <https://doi.org/10.17356/ieejsp.v1i2.38>.
- Torbat, Akbar E. 2002. "The Brain Drain from Iran to the United States." *Middle East Journal* 56(2):272–295. <https://www.jstor.org/stable/4329755>.
- Tsuladze, Lia. 2021. "A Monocrat's Hobby and Its Power: On Shadow Politics in Georgia." *Caucasus Survey* 9(1):42–59. <https://doi.org/10.1080/23761199.2020.1871564>.
- Vacchelli, Elena, and Magali Peyrefitte. 2018. "From *a/Topia* to *Topia*: Towards a Gendered Right to the City for Migrant Volunteers in London." *Cities* 76:12–17. <https://doi.org/10.1016/j.cities.2017.04.007>.
- Van der Bracht, Koen, Ad Coenen, and Bart Van de Putte. 2015. "The Not-in-My-Property Syndrome: The Occurrence of Ethnic Discrimination in the Rental Housing Market in Belgium." *Journal of Ethnic and Migration Studies* 41(1):158–175. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2014.913476>.
- Van Hoof, Sarah, Sara Nyssen, and Sibö Kanobana. 2020. "If They Could, They Would Put Them on a Drip with Dutch': Language Learning and the Professional Integration of Migrants in Flanders." *International Journal of the Sociology of Language* 264:73–94. <https://doi.org/10.1515/ijsl-2020-2094>.
- Wachsmuth, David, and Alexander Weisler. 2018. "Airbnb and the Rent Gap: Gentrification through the Sharing Economy." *Environment and Planning A: Economy and Space* 50(6):1147–1170. <https://doi.org/10.1177/0308518X18778038>.